12 1990

0 0 3

ТУ-19-241-82

2

1

студия
ДИАФИЛЬМ

07—3—106

РАБОВЛАДЕНИЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

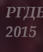
РАССКАЗ РИМСКОГО ЮНОШИ

Вернуться в Италию меня заставило письмо. Я рано потерял родителей и был воспитан дядей — владельцем имения южнее Капуи. Не пожалев средств, он послал меня в школу на Ро́дос учиться красноречию. Но стряслась беда: дядя заболел и умолял спешно приехать.

Мне не хватило денег расплатиться за проезд, и я отдал то, чем дорожил как памятью о школьном друге — старинный золотой с изображением Александра Македонского. — «Великолепный чекан!» — воскликнул владелец судна.

Эту редчайшую монету подарил мне Прокл — кудрявый эллин, удивительно похожий на молодого македонского царя. Полгода мы в разлуке: Прокл, мечтающий о независимых Афинах, внезапно покинул Родос. — «Взглянешь на Александра, — прощаясь, пошутил он, — а вспомнишь обо мне!»

Расставшись с корабельщиками, я поднялся на холм, откуда городок был виден как на ладони. Здесь жил мой дядя. Тревожные мысли овладели мной: увижу ли я того, кто стал для меня вторым отцом?!

—О Луций, дорогой племянник! Ты приехал, хвала богам!—приветствовал меня хозяин дома Гай Валерий. Подвижный, полный энергии старик ничуть не походил на умирающего.

Словно угадав мои мысли, он показал на раба с умным лицом: «Это Медик, мой врач. Считает, что болезнь опасна. Хочет продлить мне жизнь своим искусством. Чудак! Меня не станет — и он получит по завещанию свободу».

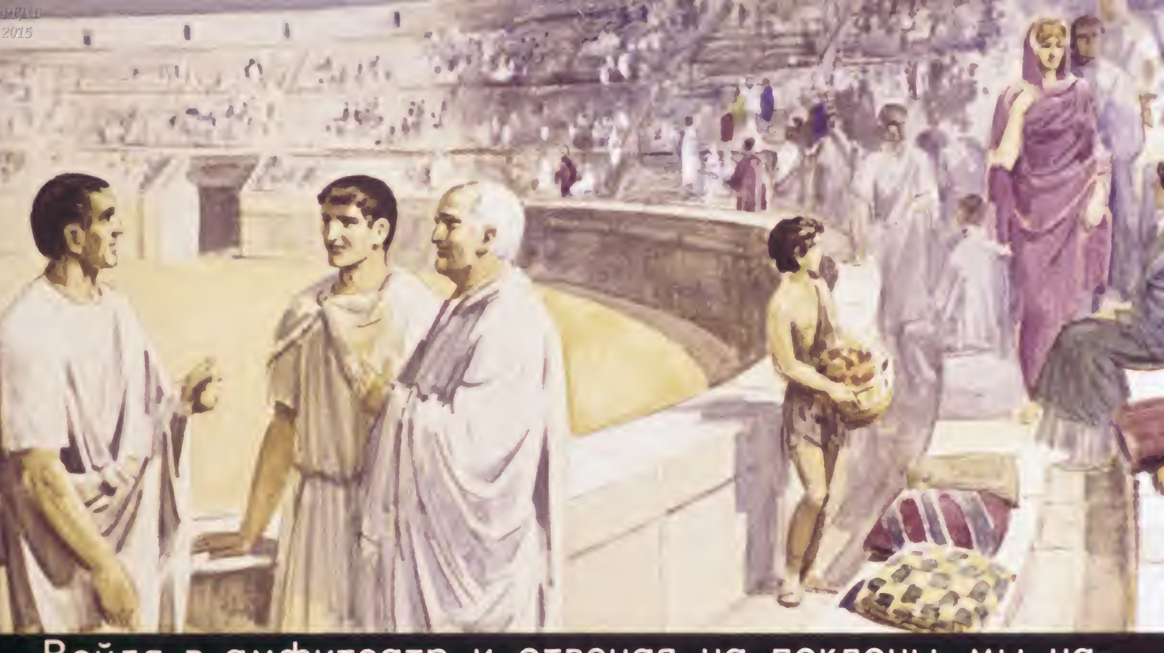
За едой дядя расхваливал рабов: «Что за повар! Дивным запахом из его котлов питается на небе сам Юпитер. А сириянка Флейта — как играет! Забываешь про немощь и болезни... Однако мы можем опоздать. Переоденься, да поживее!»

—«Куда мы, дядя?»—«Догадайся! Или спроси у моих косматых демонов... Ха-ха-ха! Молчат как рыбы: знают всего с десяток латинских слов. Ну не рабы, а клад! Скорей домá тебе ответят—спроси у них!»

И впрямь, на стене дома надписи и рисунки.— «Читай же, Луций!» — «Семь пар будут сражаться...» — Тут дядя перебил: «Ты понял, мы увидим бой гладиаторов! Ч-у-д-о! Ретиарий отважен, а мурмиллон — хоть новичок, но ловок».

Войдя в амфитеатр и отвечая на поклоны, мы направились к местам для почётных зрителей (Гай Валерий был эдилом). Выше располагались платные места, ещё выше—даровые для бедняков. Все ожидали зрелища, как праздника.

Под звуки труб и ро́га бойцы раскланялись. Полуголый, с сетью, похож на рыбака — ретиарий (от слова «ре́те» — сеть). А гладиатор с мечом и в шлеме с забралом — «рыба», или мурмиллон («му́рма» — морская рыба).

Схватка напоминала танец. Ретиарий пытался накинуть сеть на мурмиллона. Тот дразнил противника и подпускал так близко, что замирало сердце. Миг... и он прыгал или резко приседал, сеть пролетала мимо.

—«Не тебя ловлю, а рыбу!» — пел ретиарий, кружа по арене. Он стал осторожнее, оценив ловкость мурмиллона: а ну разрежет сеть — тогда что?! Но публика желала видеть не танцы. — «Нападай и бейся насмерть!» — орали зрители, швыряя в «рыбака» оливки и огрызки яблок.

Внезапно, оступившись, мурмиллон упал. Удар трезубцем—брызнула кровь и шлем свалился с головы. О боги, это лицо мне так знакомо!

—«Ты побледнел от вида ран, племянник? Опомнись, Луций, перед тобой раб... гладиатор!»

Откуда дяде знать, что этот гладиатор — Прокл! Друг, неведомо как попавший на арену. Ужасно! Вот он опутан сетью и трезубец приставлен к его горлу. Несчастный поднял руку, прося у публики пощады.

—«Мой добрый дядя, во имя наших предков умоляю—выкупи мурмиллона!» — «Не тревожься за его участь, взгляни: все подняли пальцы вверх—он отпущен живым... Этого мало?! Что ж ... если хочешь, поговорю с владельцем гладиаторов!»

Так Прокл попал в наш дом. Был вечер — дядя выглядел усталым: «Спи спокойно, Луций! Утром дополню завещание — твой эллин получит свободу, а ты не будешь нуждаться и завершишь учение. Встанем с первыми лучами солнца!»

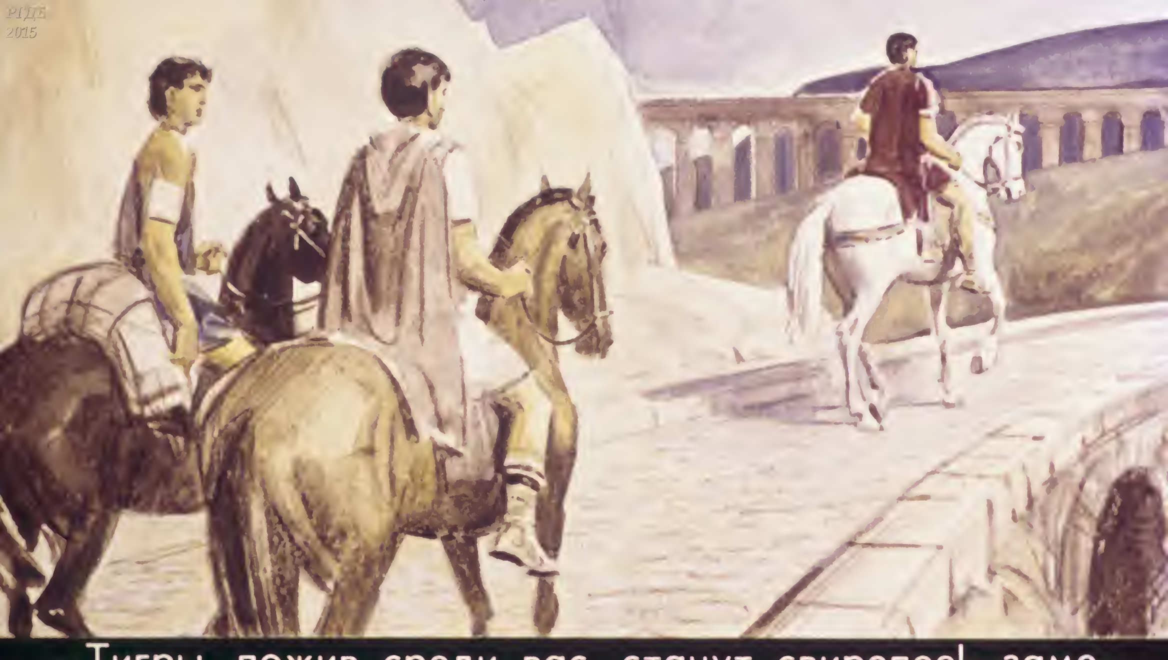
Увы, он не увидел солнца! Когда поутру собрались те, кого дядя выбрал свидетелями завещания, Медик сообщил, что господин умер во сне. Я рыдал. Прибывший ночью Марк, не застав отца в живых, был сдержан, как подобает воину.

После похорон брат решил мою судьбу: «Забудь про школу! Чему учиться у побеждённых? Гречишки—трусы. Раз, помню, увидали наш легион и будто ветром их сдуло, как солому с крыш. Советую, дождись набора и стань солдатом — добудешь золото и славу!»

Перед походом Марк отправился в имение отца проверить, как ведётся хозяйство. Он взял меня и Прокла с собой. В пути преграда: чинят под свист кнутов дорогу. Тут и «демоны», проданные братом. За что их истязают?

—Тигры, пожив среди вас, станут свирепее!—заметил Прокл. Брат не вернул ему свободу, узнав, что эллин участвовал в боях против Рима. Не в силах помочь другу, я впал в уныние. Не прельщала меня и военная служба!

Сам дядя редко наезжал в имение. Не ждали и нового владельца. По зову Марка сбежались рабы. В страхе всплеснул руками пьяный управитель — вилик. Боялся, видно, что за развал хозяйства потеряет должность.

Не зря боялся. — «Его место получишь ты! — Марк ткнул пальцем в угрюмого раба с выбитыми зубами. — Внушай трепет подчинённым. Ни один пусть не сидит без дела!» — «А прежний вилик, господин? Что он умеет? Лакать вино и только!»

Марк расхохотался: «Дармоеда продай!» — «Помилуй, кому он нужен?» — «Тогда отправь его... Да-да, на тот пустынный остров, куда из всех имений везут, как на свалку, «живой инвентарь», отслуживший срок».

Скоро в усадьбе был наведён порядок. Заскрипела мельница. Начался сбор винограда. Угрюмый вилик не давал рабам поблажки: бил плетью, заковывал строптивых, следил за каждым шагом.

Кто эти двое, что копошатся у повозки? Вжиг... вжиг... вжиг – доносятся скрежещущие звуки. Вилик было прислушался, да Прокл, тащивший мешок с зерном, нарочито громко запел: «Мели, мельница, мели!»

А тут бараны отвлекли внимание вилика. Бе-е... бе-е!.. Толкаясь и поднимая пыль, вбегали они в усадьбу. С горных пастбищ раб-пастух и его дочь пригнали скот и привезли для обработки шерсть.

Девочка принялась разгружать тележку с шерстью, но не сумела удержать громоздкий тюк. Прокл переливчато рассмеялся.—«Чем гоготать, как гусь, помог бы перетаскать тюки!»

Полчаса спустя Анда (так звали рабыню) и Прокл отдыхали возле пустой тележки. Они перемигивались и весело болтали. Долетали отдельные слова: флейта у пещеры... тройной свист... голубая змея.

—Эй, грек, не поручусь, что голубой, но пёстрой змеёй ты станешь!—закричал вилик.—Век не забудешь, как свистит тройная плётка! Хватит любезничать, вези корзины с виноградом к прессам.

Прокл, что есть силы, стегнул быков.—«Поосторожнее! Груз береги!»—Быки рванули с места. Повозку тряхнуло на ухабе. Ось сломалась, корзины с виноградом повалились в грязь. «Помогите!.. О-о-о!.. Быки взбесились!»

—Быки здоровы, проклятый грек!—вилик был в ярости. Униженный и битый в прошлом, он теперь вымещал злобу на рабах.—Ты знал, что ось подпилили! Пока не вспомнишь кто — посидишь в подвале! 34

Прокл сидел не больше суток.—«Сбежал ... сбежал!—причитал вилик.—О господин, ему не скрыться, нет!»—«Не поймаешь—так сам его заменишь на работах»,—бросил Марк. Он торопился в город смотреть игру актёров.

Я пошёл с ним, чтобы не видеть, как в усадьбу приволокут избитого до полусмерти Прокла. — «Ты, Луций, не в Афинах, — не замечал моего дурного настроения Марк. — Актёры тут рабы, и за плохую игру их порют. К тому же, говорят, комедия о воине забавна!»

Театр затих. Актёр, игравший слугу воина, поведал о герое представления: «Ну уж и лгун! Расстаться б с пустомелей! Одно мне жаль: ужасно вкусен винегрет у воина. Да вот он сам! Льстить буду хвастуну».

—«Помню, вражеское войско сдул ты дыханием, как ветер листья».—«Да это мелочь!»—скромничает воин.—«А ещё в Индии одним ударом ты руку перебил слону!»—«Как руку?»—«То есть ногу, я хотел сказать. В мире ты единственный и дивной красотой своей! Все влюблены в тебя».

—Ужасное несчастье быть красивым,—воин сам себе казался Аполлоном и Ахиллом одновременно. Зрители хохотали до слёз.

Кто это в двух шагах от нас так заразительно смеётся? Кровь ударила мне в голову: зачем он здесь? Не иначе, хочет затеряться в толпе и ждёт, пока стемнеет. Сидел бы тихо, да подвела страсть к театру!

— Ах, вот он, негодяй! Попался! — Беспечный друг мой оглянулся, улыбка ещё блуждала по его лицу. Поднялся шум. Соседи требовали тишины. Те же, кто понял, что случилось, помогали Марку.

Вдруг на сцену, как камень, выпущенный из пращи, влетела... Анда: «Не теряйте времени!!! В амфитеатре дерутся за места — вот-вот начнётся бой гладиаторов и травля зверей!»

Актёры и комедия были сразу забыты. Толкаясь и крича, все ринулись к выходам из театра. В невообразимой свалке Прокл ускользнул.

Пасмурным днём бродил я в горах со свитком «Одиссеи». Грустил. Читал любимые стихи: «Муж великанского роста в пещере той жил одиноко». Как нарочно, передо мной пещера и одинокая сосна с раздвоенным стволом. По склону, точно удав, извивается ручей.

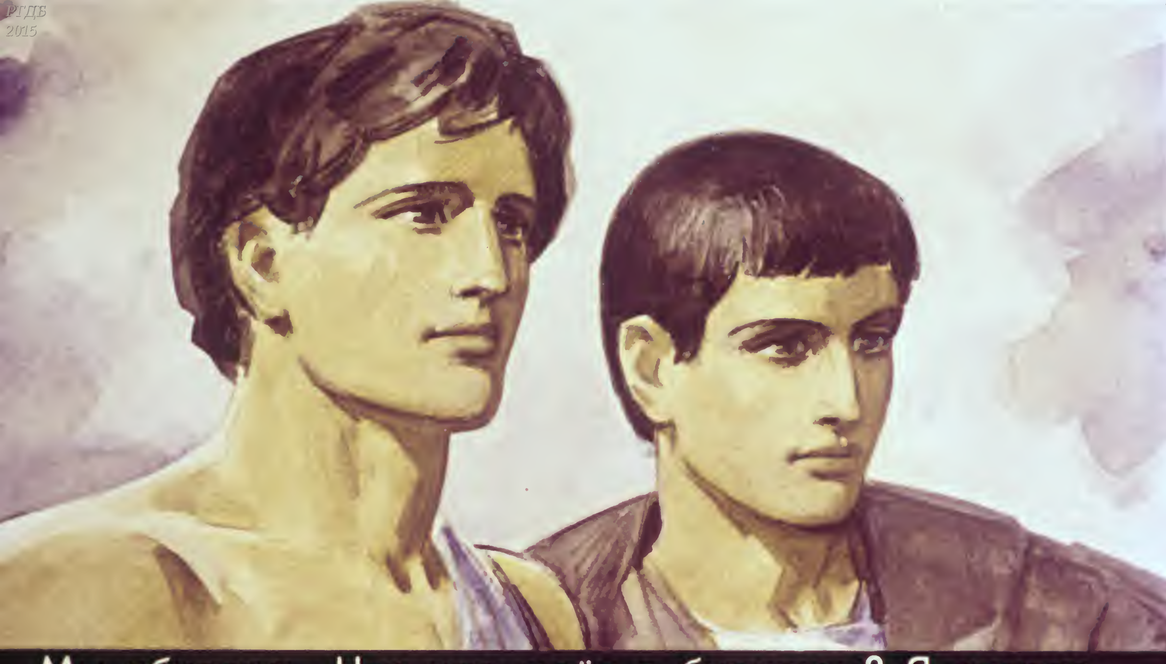
Выглянуло солнце, вода заблестела — я вскрикнул. Змея! Голубая змея! Не о ней ли говорили Прокл и Анда? Но если так, что означает «флейта у пещеры»? А может, эту сосну называли флейтой?

Я трижды свистнул. Из пещеры вышел «муж великанского роста». Нет, не циклоп, чуть не сожравший Одиссея. Это был раб-пастух: «Мой господин, следуй за мной!»

Через пещеру он провёл меня на луг. Сторожевые псы залаяли, оскалив пасти,—и я не сразу заметил Прокла, издалека махавшего рукой.

Мы обнялись. Что нас ждёт в будущем? Я отправляюсь на войну. Он остаётся, рискуя каждый миг быть схваченным. Судьба загадочна—увидимся ли вновь?

На этом обрывается рассказ Луция.

ЗАДАНИЯ

I. Придумайте продолжение рассказа о Прокле.
Предположите, как сложилась его судьба.

II. Подумайте:

1. Что из случившегося с Проклом типично для его времени? Чем типично?
2. Что в судьбе Прокла кажется вам нетипичным, случайным, маловероятным?

III.

1. Что вы узнали из диафильма о рабовладении в Древнем Риме?
2. Какими сведениями учебника можно дополнить рассказ о римских рабах?

К СВЕДЕНИЮ УЧИТЕЛЯ

Диафильм предназначен для урока «Рабовладение в Риме во II—I вв. до н.э.».

Отдельные условности в изображении быта периода конца Римской республики вызваны состоянием источников или особенностями учебного пособия. Так, в рисунках использован более поздний материал эпохи ранней Римской империи; появление беглого раба в театре исторически маловероятно; на орхестре стояли скамьи для почётных зрителей; тунику обычно носили до икр, а не выше колен.

Ро́дос—остров в Эгейском море, славился школами, где изучали ораторское искусство и философию.

Эди́л—должностное лицо в городе.

КОНЕЦ

**Диафильм по истории для 5 класса
сделан по заказу
Министерства просвещения СССР**

Автор Г. ГОДЕР
Консультант кандидат филологических наук Г. КНАБЕ
Художник Л. ГОЛЬДБЕРГ
Художественный редактор В. ИВАНОВ
Редактор В. ЧЕРНИНА

Д-180-78

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7